

Вячеслав Трах

Кофейня

Вячеслав Прах

Кофейня

«Издательские решения»

Прах В.

Кофейня / В. Прах — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740426-0

Меня зовут... Простите, я забыл. У меня нет имени. Я сажусь у окна, достаю свою книгу. Я давно уже не читаю. Уже два месяца читает она. Шекспира. Прекрасная, грустная Роза. Какой милый образ. Нет, я в нее не влюблен. Я всего лишь здесь наблюдатель. И впервые, когда я к ней подойду, она меня оттолкнет. Спросит «который час» и убежит. Она еще этого не знает. Как и того, что она скоро погибнет. К счастью, я ее не спасу.

ISBN 978-5-44-740426-0

© Прах В.

© Издательские решения

Кофейня

Вячеслав Прах

Скажите мне, чем должно пахнуть в кофейне?

– Наверное, чем угодно, но только не кофе...

© Вячеслав Прах, 2016

Корректор Николай Лосев

Редактор Анжела Ярошевская

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Грусть. То место, в котором можно найти себя среди музыки. Искать то, чего нет, среди пустых стульев. Или обжигать пальцы от сигареты, пеплом размывая страницы, в которых автор нашел тебя.

– Позвольте...

– Да, присаживайтесь, – не отводя глаз от книги, ответила она.

Шекспир, «Сонеты о любви». Красивая обложка. Громкое имя и... разбитое сердце женщины, дополняющие друг друга. Так могло показаться на первый взгляд.

– «В тоске не гаснет жар мятежный, Горит за сенью гробовой, И к мертвой пламень безнадежный Святее, чем любовь к живой...»

– Удивительно. Так точно и с чувством... Шекспир.

Такого ответа он больше всего ожидал, но меньше всего хотел услышать.

– Нет. Это Байрон, – с каким-то волнением, но без всякого удивления произнес он.

Она склонила голову и, подкурив новую сигарету, продолжила увлеченно изучать страницы. Будто его и не было вовсе.

– Уходите.

– Вы кого-то ждете. Кого-то, кто с опозданием на два месяца и шестьдесят две кружки выпитого кофе так и не соизволил опоздать.

Она подняла голову и посмотрела на него так, будто он прочитал ее мысли. Загадочный взгляд, хоть и весьма предсказуемый.

– С чего вы это взяли? – в недоумении спросила она.

– Когда вы приходите и открываете книгу, вы кладете левую руку так, чтобы хорошо было видно время. Если присмотреться, то можно заметить, что смотрите вы вовсе не в книгу, а на свои часы. Создаете иллюзию отдыха, в то же время ограждаете себя от таких, как я.

– Но как... Как вы могли за мной наблюдать, если сидели все время спиной ко мне?

– Здесь нет ничего странного. С вашего столика, если смотреть в окно, видна улица. С моего – ваш столик. И получилось, что мы оба смотрели в окно. Вы – на прохожих, а я – на вас.

– Кого ждете вы? – с явным интересом спросила она.

Глаза цвета кофе. Губы оттенка розы. И музыка... Такая же безвкусная, как и их латте.

– Не смотрите на меня так, – делая глоток кофе, отвела взгляд она.

Куда она смотрела? На прохожих. Нет, скорее, мимо них. На серые тротуары, или вошла в тон не менее серой суеты. Этот взгляд был ему знаком. Она во всем видела человека, но никак не могла его найти.

– Как мне на вас не смотреть? – устало спросил он.

– Так, будто все обо мне знает, – ответила она, по-прежнему глядя в окно.

Была ли она замужем? Была. Он это увидел по ее рукам. Кольца на пальце не было, но его след она продолжала неосознанно гладить. Временный след... Это было видно по глазам, в ее походке и даже в том, как она держит сигарету. Это мужчине скрыть свой брак – как окурочек выбросить. У женщин с этим сложнее.

– Как я выгляжу? – после длительной паузы она перевела взгляд в его сторону. Затем посмотрела на часы и, не дожидаясь ответа, добавила: – Мне пора.

Его не смутил ее внезапный уход, как и то, что ответа на вопрос не прозвучало. Напротив, он даже и не думал на него отвечать, и не стал провожать ее взглядом. Спустя время немой беседы, его внимание привлек еще один постоялец этой кофейни. Вредный, толстый мужчина лет сорока пяти. Скажем так, манеры этого типа были куда дешевле его костюма. Как и всегда, он заказал кофе по-ирландски и попросил дать ему меню. Это уже было его привычкой: пить крепкий кофе с дешевым виски, а глядя в меню – недовольно бурчать. Но проблема была в другом.

«Когда тебе было холодно, я надевал на тебя свой свитер, и мне становилось теплее. Когда тебе было больно, я сжимал зубы и шептал в гневе о себе. Я знал вкус твоих слез, бесконечно целуя мокрое лицо. А ты даже не знала, во сколько я завтра чужой. Я молился о тебе по средам, когда ты заводила будильник на восемь. А в четверг я тебя ненавидел. Без пятнадцати девять...»

Он закрыл книгу и положил ее возле себя. Встав с кровати, стал искать спрятанную пачку сигарет. Два года и четыре месяца он сжимал эту пачку в руках, не открывая ее. Два года борьбы с собой. Его манил этот дым. Глубокая тяга. Секундное облегчение. А с выдохом уходило все то, что наболело. Достав сигарету, он стоял минуты две, все крепче сжимая ее в зубах. После чего взял и смял ее в кулаке, рассыпая по полу. Этой ночью он уснул победителем, чтобы утром вновь объявить себе войну.

Холодный душ. Крепкий чай без сахара. В семь утра этот город просыпался и ненавидел все вокруг. Люди вставали с единственным желанием, с ним же свой день и заканчивали: как мне выспаться, и какая жизнь дерьмо. Он каждый день вставал в это время, выходил на балкон и смотрел на них, хмурых, полусонных. Людей без яркости. Размытых. Они спешили на работу, которую ненавидели чуть меньше своего босса. Зарабатывали деньги, чтобы тратить их на то, что им не по карману. И все время стремились к роскоши, не имея даже свободы.

Допивая свой чай, он заходил обратно в квартиру, оставляя за стеклом недовольные лица, во всем винившие жизнь. Переводил будильник на двенадцать и, натягивая на себя теплое одеяло, еще больше влюблялся в утро.

Когда Роза открыла дверь кофейни, на часах уже было четыре. Он, как обычно, сидел спиной к ней за соседним столиком и думал о чем-то своем. Не узнать ее шаги было сложно. Ему каждый день, на протяжении двух месяцев, приходилось их слышать. В этих шагах не было ничего особенного, но спутать их с другими он не мог. Подойдя к своему столику, она заметила книгу и закладку на какой-то из страниц. Он не видел ее, но каждой клеткой спины чувствовал, как она смотрит то на книгу, то на него. И в какой-то момент ему показалось, что она задержала на нем свой взгляд. Нет, не показалось. Он был в этом уверен.

Мысли тонули в чашке ее латте. Она водила ложкой по дну, будто размешивала вкус горьких букв. Шелест страниц. Глубокие затяжки дыма. Ее тонкие пальцы обжигала сигарета, что так верно дотлевала в ее руке. Она была увлечена.

Дождь стучал в окно и навевал прохладный порыв грусти. Воспоминаний. Нелепых улыбок длиною в секунды, затем глухих ударов в груди, от которых порой можно было задохнуться. В такие минуты, наедине с дождем, ты готов верно ждать солнца. А с его приходом – и дальше тонуть в своих лужах. А может, дело не в погоде? Слабость времени – настоящее. Сегодня ты живешь вчера. А завтра снова... Незаметно. Быстротечно. И все проходит, кроме прошлого. Ему позволено быть вечным...

Он даже не заметил, как Роза подошла и встала у него за спиной. Не удивительно: он был слишком погружен в свою бездну. Так бывает, когда твой корабль разбился, а ты, глядя в сторону берега, решаешь для себя тонуть. И не важно, что до суши рукой подать. Тебе не страшно: идешь на дно вместе с обломками. Но разве считаешь, что топишь себя сам? Конечно, нет. Во всем виноват шторм.

«...Когда она решила уйти, я собирал ее вещи и думал, какого цвета рубашку мне надеть на работу. Странно, но за завтраком я не почувствовал ничего, абсолютно. Возможно, я плотно поел. А может, просто был уверен, что к вечеру она вернется. За обедом я пролил на себя кофе, оставив большое пятно на своей любимой рубашке. Но это меня не огорчило: напротив, я знал, что когда вернусь домой, она мне его застирает... Когда я открыл дверь, в квартире было темно, а на холодильнике не было ее ключей. Не было запаха ужина, и кружка недопитого чая так и стояла на своем месте. Еще никогда квартира не была такой пустой. И впервые я задержался на пороге...

Третью ночь я не мог нормально уснуть. Кровать казалась слишком большой и неудобной. Под утро я просыпался от прилива крови и хотел поцелуями разбудить ее, чтобы в очередной раз не выспаться, выдыхая ее вдохи... Я отчаянно водил рукой, пытаюсь нащупать ее плечи. Руки и теплые пальцы. Пустота. И ее подушка была как никогда холодной.

Через неделю я вспомнил о существовании Бога, до которого мне никогда не было дела. Чувствовать дыхание за спиной и каждый день спешить с работы домой – это было так бедно раньше и не имело цены сейчас. В эту минуту. До невыносимости одиночества, страха...

Пятно на рубашке, да и гордость величиной с квартиру принимала размеры пятна. Звонок в дверь. А за дверью она: от банальных фраз и до кофейных глаз – она.

Когда она вернулась, я больше не позволял ей уходить.

Никогда...»

Дочитав последние строки тридцатой страницы, она закрыла книгу и посмотрела в окно. Снаружи шел дождь, небольшой и тихий. Но даже он представить себе не мог, под каким ливнем стояла она...

– Слишком много вопросов, когда не о чем спросить, – нарушил молчание он.

Роза его не слышала, только прикрывала ладонью рот, чтобы он не услышал, как трудно ей стало дышать.

– Присядьте, – попросил он ее, отодвинув свободный стул.

Выложив пачку своих сигарет, она крепко сжала книгу и пустым взглядом проводила собеседника.

– Меня зовут Лау...

– Вас зовут Роза, – оборвал ее он, отводя глаза в сторону окна.

Проигнорировав его слова, она достала из пачки мужских крепких «Lucky Strike» сигарету и начала искать по карманам свою зажигалку. Не найдя ее там, она принялась обыскивать свое пальто. Но и в нем оказалось пусто.

– Вы курите? – спросила она у него в надежде на очередную порцию дыма.

Он улыбнулся и, достав из кармана пачку своих сигарет, посмотрел на нее и положил обратно в карман.

– Нет, Роза, я не курю, – спокойно ответил он.

Взгляд. Этот взгляд. Она посмотрела на него, как на сумасшедшего, и вскоре, надевая пальто, встала из-за столика. Но не успела она сделать и шага, как он крепко взял ее за руку и тихо попросил: «Оставь книгу».

Она смотрела ему в глаза, как июль бы смотрел на январь. Холодный, стеклянный взгляд. Но и он отводить глаз не думал: всматриваясь, он увидел нечто большее, чем просто лед. Он был уверен: еще от силы секунд семь – и этот лед начнет таять...

– Я оставляю ее себе, – спокойно и твердо, как показалось ей, сказала она.

Роза присела и, взяв в губы сигарету, открыла страницу, на которой закончила свое путешествие. Он, достав из внутреннего кармана своего пиджака зажигалку, наклонился к ней, чтобы подкурить, но она решила отказаться, отведя голову в сторону. Положив на стол зажигалку, он следил за ее пальцами. Зачем? Знаете... я бы и сам у него спросил.

«Я не любил шумных компаний, да и сейчас, в общем-то, не люблю. Пустые разговоры. Смех непонятно от чего: то ли анекдот оказался удачным, то ли неудачник решил спрятать себя за смехом. Ох, какая удача... Фальшь. Люди прячут себя за таким жирным куском лжи, оставляя правду себе на диету. Они давятся сплетнями и прячутся за спинами, а когда дело касается их, только тогда они начинают убавлять громкость.

Ты меня понимаешь и понимала каждую секунду, когда я не понимал себя сам. Вспомни тот вечер, когда ты решила познакомить меня со своими друзьями. Вспомнила? Я держал руки за спиной не потому, что хотел произвести впечатление солидного мужчины с ровной осанкой и гордо поднятой головой. Нет, не потому. Я просто не хотел быть к ним ближе. Пожать руку. Пустяк? О, нет, дорогая, это расстояние. В котором я предпочел быть самым отдаленным.

Я смотрел им в глаза и видел их насквозь. Думаешь, я их слушал? Нет, я вслушивался в их слова. Наблюдал за движениями и самое главное – за тем, как они относились к тебе. Как пытались произвести на меня впечатление и вызвать некое уважение. Я просто наблюдал. А когда той картины, что я срисовал с них, мне хватило – я просто встал и молча ушел. Не попрощавшись. Да я, собственно, и не здоровался с ними. А вот тебя я тогда покинул. В тот вечер, седьмого июля, в наглаженных черных брюках и мятой серой рубашке, я...»

– Пьеро, – перебив ее увлеченные глаза и сердце, произнес собеседник.

Она не сумела сразу выйти из мира, в который так глубоко погрузилась сейчас, и потому сказанное им встревожило ее и показалось совсем неясным.

– Что, простите? – не поняв его, с удивлением спросила она.

Она находилась на своей волне, в своей душе и ясном сознании. И простите меня, автора, за такое выражение – она была не доведена до оргазма на самом пике страсти. Вот так ее увлекла эта книга, и так все испортил он, сидящий напротив мужчина.

– Автор этого произведения – Пьеро. Я перечитал эту книгу девять раз за два года и, как я вижу, не только я нашел себя в ней, – спокойно и слегка огорченно ответил он на ее вопрос.

– Я никогда не слышала о нем. Пьеро...

Возможно, она задала себе вопрос: а нужно ли было мне о нем слышать? Ведь главное, что строки этого писателя поразили ее до глубины души. По всему ее виду было понятно, что продолжать диалог со своим собеседником было неуместно, но она все-таки спросила:

– А где можно купить эту книгу?

– Нигде. Я обыскал много книжных лавок, когда она попала мне в руки. Нигде ее нет, и никто о ней не слышал, – тихо ответил он.

– Не понимаю. А как тогда она оказалась у вас? – спросила она, сопровождая слова любопытным взглядом.

Тишина. Он сделал вид, что не расслышал ее вопроса. На самом деле ответить ему было нечего, она бы всё равно не поверила, что он нашел ее в мусорном баке, среди вонючих помоев и презервативов, что выбрасывали в тот бак поутру. Среди разбитого стекла от бутылок и собачьего дерьма, в которое он тогда наступил...

Книги выбрасывают. А взамен покупают кучу фильмов и музыки, что считается популярной в данное время. Смотрят, слушают, а затем забывают, когда наступает новая волна моды. А книги они выбрасывают... Разве у них не хватает времени? Так они живут, будто собираются жить вечно. То, что пылится на полках, так и продолжает пылиться. Музыка, секс, фильмы, алкоголь. Разврат. Ах да, я ведь совсем забыл... Любовь! Они выбрасывают книги, а потом сами же бросаются из окон от такой жизни... В которой они живут и так уверены, что будут жить вечно.

«...Боже, как я тебя ревновал, только одному Ему известно насколько сильно! Я никогда не показывал это, тая злобу в себе, а когда накапливалось все до самого «не могу», я срывался на любой мелочи. Любой пустяк служил громоотводом. Днями я молчал, когда ты сидела рядом и обнимала меня, а ночью кричал, когда ты засыпала. Так громко, что никто не слышал, как я винил себя во всем. Ты же меня лечила, а я себя губил. Боялся тебя потерять на минуту, на секунду и все то время, которого мне так не хватало. Я молчал, считая это постыдным. А чего я стыдился? Своих чувств к тебе или боли, которую причинял себе? Все это время я стыдился себя. Ведь ты такая вся нежная. И перед сном, и поутру. Даже в моей грубости ты оставляла свою нежность.

Вечерами, когда мы с тобой занимались любовью, это был не секс. Я весь в тебе, и до конца, запах волос, шеи, груди. А когда ты сжимала мои ноги своими, я еще больше хотел, чтобы тебе было приятно. До конца... Во вздохах и запахах. В поцелуях и в кусании губ. Я был в тебе и чувствовал, что во мне ты еще больше. Это был не секс. Теперь я это понимаю...»

Закрыв книгу, Роза посмотрела на мужчину, который все это время не отводил от нее глаз. От этого взгляда она почувствовала себя некомфортно.

– Роза, эту книгу я вам не отдам, – спокойно и настойчиво сказал он. Затем добавил: – Но у меня есть предложение!

Она уже привыкла к тому, что он называл ее Розой, и даже с этим смирилась, а вот к его присутствию привыкнуть не могла. Никак.

– Какое предложение? Руки и сердца? – с насмешкой спросила она.

Он добродушно улыбнулся, глядя ей в глаза, и постепенно его улыбка перешла в серьезный и грубый взгляд. От этого ей стало не по себе. Мурашки под кожей. Учащенное сердцебиение. Явное волнение Розы расцвело перед ним во всей красе.

– В твоей чашке кофе большая доза одиночества. Ты пряталась за своими сонетами, даже не читая их. А теперь ты нашла дозу сильнее даже своей сигареты... В этой книге. Но поверь мне, она тебя спрячет лишь на время. А после – снова. Все сначала.

Он говорил твердо и уверенно, и это ее поразило. Впервые переступая границу «вы», она смогла показать себя настоящей. Какой она была на самом деле, а не в глазах других. Потекшая тушь, расслабленная бровь. Чистые глаза. Настолько чистые, что...

Он предложил ей свой платок, но она жестом показала, что не нужно: у нее есть. Вытирая капли с лица, она смывала фальшь и боль, что давила на нее, как ни один каблук в мире. Роза улыбнулась. Искренне улыбнулась. Так, что на душе у него стало тепло. Теплее, чем всегда. Он улыбнулся ей в ответ.

– Вот теперь ты по-настоящему прекрасна, Роза, – взяв ее за руку, сказал он.

Она не оттолкнула его, даже наоборот, ей стало приятно от касания его руки. Она будто доверилась ему. Слепо, без всяких сомнений. Он гладил ее руку, а она наклонила к нему голову, чтобы положить на плечо.

Роза улыбалась, ей было легко и спокойно. Она не боялась его ни секунды и прижималась все крепче. Ей становилось теплее и уютнее. Кто он? А впрочем... Не важно. Это сейчас не имеет никакого значения...

– Почему ты называешь меня Розой? – тихо, на ухо спросила она у него.

– Роза... Все любят смотреть, как она цветет. Расцветает. И все отворачиваются, когда вянет. Изображают сочувствие. Сожаление... Затем ее выбрасывают, – огорченно сказал он.

Слезы наворачивались на ее глаза, она хотела что-то сказать, но не смогла. Будто ком в горле. Ей было больно, и он эту боль почувствовал всем своим телом.

– Я не видел, как ты расцветала, Роза. Но каждый день, на протяжении двух месяцев, я смотрел, как ты вянешь...

Когда она вернулась домой, каблуки не послужили причиной обыденной, но терпимой боли. Каждый день, снимая их, она чувствовала облегчение. На минуту, семь или даже десять, а затем наступала вечность. В тишине. Пустоте пространства. Комнат. Она теряла себя в спальне. Сколько криков каждую ночь впитывала в себя подушка! А музыка звучала все громче. Ее музыка. Немая музыка глухого слушателя. Вот так она сходила с ума. Каждый вечер, каждую ночь. А утро... Все тише и спокойнее. И только поутру ее недуг был излечим крепким кофе и сигаретой. Шумом за окном и стуками соседей. Только поутру она прятала себя за друзьями. За яркой тушью. Тонем помады скрывала свои губы, которым так не хватало...

И так день за днем. А после – вечера за ночью. Музыка играла. А слушатель – немой. Так бы и продолжалось. Но только не сегодня...

Она лежала в теплой ванной и о чем-то мечтала. Ей становилось легче. От кончиков пальцев ноги и до самых глубин себя. Так легко и приятно. Возможно, она чувствовала его присутствие или не могла отойти от нежности тех грубых рук, что гладили ее днем. Роза улыбалась. Смех? Нет, не в порыве очередного сумасшествия – она улыбалась с чистыми глазами, водя рукой по воде. Ее июль обнимал февраль. Она чувствовала себя нужной...

За три квартала первых звезд и прохладного ветра, он сидел на балконе и смотрел на небо. Что он в нем видел? Наверное, что угодно, но только не звезды. Даже шум улиц и недовольные крики водителей не могли оградить его от той тишины, в которой он находился. Слепой тишины. Неувиденных глаз. Недослушанных слов. И только ветер своим сильным порывом приводил его в чувство.

«Когда я впервые тебе изменил, ты запретила к себе прикасаться. Ты пыталась уйти, сбежать от меня, но я тебя не пускал. Била меня в грудь и лицо, когда я тебя крепко сжимал, и называла меня тем, кем я был после этого. Когда ты достала нож, я впервые почувствовал, насколько ты мне нужна и какой я... После этого поступка.

Глядя мне в глаза, она сделала резкое движение. Кровь медленно капала на пол из ее запястья. Как только я сделал шаг, она крикнула: «Не подходи!», затем приставила нож к шее. Я не знал, что делать, мои руки дрожали, а сердце выбивало ребра. Я настолько боялся ее потерять. Она была настроена решительно. Безо всяких сомнений, она была готова к следующему шагу. Паника, дикий ужас охватили меня. Невнятно, дрожащими губами я выдавил из себя, чтобы она убрала нож, и мы спокойно все обсудили. В ответ я услышал смех, громкий смех... Ее рука ослабела и, выпустив нож из рук, она упала. Подбежав к ней, я начал щупать ее пульс.

Она потеряла сознание, но была жива. Представляете? Она была жива! Слезы бежали у меня по лицу. Капля за каплей. Задыхаясь от боли, что обжигала всю мою грудь, я нес ее на руках к кровати. Она была жива...

Поутру я ожидал чего угодно, но только не того, что произошло. Она поцеловала меня в лоб и прижала к себе. В эти минуты я осознал, какая я тварь и ничтожество. И любой человек, посмотрев со стороны на эту ситуацию, сказал бы про себя: «Какая же она влюбленная дура!»

Отложив книгу на тумбочку, он завел будильник, как обычно, ровно на семь утра, и потом усердно пытался уснуть. Я бы даже сказал, отчаянно.

Ночь намного сильнее обостряет одиночество. В темной комнате, наедине с собой и своими мыслями, ты еще больше осознаешь свою ненужность. Когда тебя бросает в жар, ты считаешь себя брошенным, и больше всего тебе не хватает его – человека, что держал бы тебя за руку в эту темную ночь, в этом мрачном доме... Тебе не хватает тепла, а одеяло не сможет согреть тебя так же, как музыка не может заменить голос, который ты хотел бы услышать. Слушать. Понимать, что ты не один в этом мире, в этой кровати, в этой пустой квартире. Лишь будильник так верно и вовремя будит, а как бы хотелось проспать...

Не сомкнув за ночь глаз, он услышал, как зазвенел будильник. Ровно семь утра.

Это утро было другим, не таким, как всегда. Достав спрятанную пачку сигарет, он вытянул из нее все двадцать штук и положил на кровать. Делая себе чай, в этот раз заварки он не пожалел. Я бы даже не назвал это напитком: в кружке было чуть меньше половины заварки и столько же воды. Подкурив сигарету, он делал слишком глубокие затяжки, и без привычки, после перерыва в два года, они пьянили его не хуже любого коньяка. Затягивался снова и снова, запивая чаем. Докурив одну сигарету, он почувствовал, что перед глазами начало двоиться. Сильное головокружение, сухость во рту. Тошнота. Он тянулся к следующей сигарете, так, будто был вдребезги пьян. Закурив другую и запив своим напитком, он уже ничего перед собой не видел. Свет... Кружка выскользнула из рук и разбилась об пол. Затем упал и он.

Роза никогда не опаздывала. Никогда. И на этот раз она переступила порог кофейни в четыре. Всё как обычно – на удивление, посетителей почти не было. Кроме постояльцев этого заведения, никто здесь не задерживался больше, чем на два раза. Обычная кофейня, которых в этом городе полно, но вот людей она почему-то к себе не привлекала. Возможно, все дело в кофе? Хотя нет, кофе у них был неплохой. Возможно, все дело в обстановке. Слишком она была мрачной и, я бы даже сказал, отталкивающей. Безвкусные темные стены, тихая депрессивная музыка. И, как бы странно это ни звучало, именно внутри, а не снаружи – сплошной дождь.

Сняв пальто, она осмотрелась по сторонам. Его столик был пуст, впервые за эти два месяца он был пуст. Он не пришел. Тот, кто еще вчера гладил ее руки и снял с нее маску, которая день за днем вращалась в ее лицо, не пришел. Тот, кто не назвал своего имени, но назвал именем розы искалеченную душу, увиденную им еще с первых дней, опоздал на целую вечность. Она доверилась ему и так ждала этой встречи, чтобы сказать ему все то, что он тогда не услышал. Огорчение? Нет. Она была подавлена. В эту минуту, в этот час она нуждалась в нем больше, чем в себе. Как? Как он мог оставить ее, когда на его плече она оставила всю себя? От нежности ладоней, доверия, и до горьких слез... «Зачем тогда все это было нужно?» – обреченно повторяла она себе...

Когда он пришел в себя, за окном уже было темно. С большим трудом он поднялся и включил свет. Разбитая кружка под ногами – видимо, это осколком он зацепил руку. Так, небольшая царапина, о которой он сразу же забыл, посмотрев на часы. Без восьми минут три.

Ночь. «Неужели я так пролежал почти сутки?» – с удивлением подумал он. Голова раскалывалась. Тошнота. Сильная тошнота. Такое ощущение, что выпил он полбара, а затем упал у самой кровати. Окурки под ногой, табачный дым. Посмотрев на все это со стороны, он тихо, но с полным отвращением процедил сквозь зубы: «Какой же ты слабак!» Ему было противно от самого себя, он сломался, как спичка, которой подкуривают все свои беды.

Приняв душ, он набрал из-под крана воды и выпил стакан залпом. Самочувствие, скажем так, у него было неважное. Посмотрев в зеркало, он улыбнулся от всей души и сказал про себя: «Какой же ты красавец! Все женщины твои, стоит тебе только выйти на улицу!» Достав бритву, он побрился и похлопал себя по щекам. Резкий запах одеколона быстро приводил его в чувство. «Вот теперь лучше» – мысленно подбодрил он себя.

Он вышел на балкон. Приятная прохлада захватывала дух. Так тихо и спокойно – вот в таком мире он хотел бы жить. Без людей и шума, вечных криков и суеты. Жизнь будто остановилась в четыре утра. Это было неописуемо красиво. Вот бы остановить стрелки часов...

Лепестками по ветру...

Расцветай, Роза,

Расцветай.

Не потеряй себя в своем цвете, но и цветом своим не погуби других.

Лепесток за лепестком... Не изменяй себе в измене других.

Расцветай, Роза, расцветай.

К шедевр прикоснуться невозможно. В него нужно нырять,

Со всей души и в самые глубины.

К шедевр прикоснуться невозможно. В нем можно только утонуть...

Расцветай, Роза.

Расцветай...

...повторял он себе, глядя в ее глаза, как в книгу, которую перечитывал день за днем. Дословно. Наизусть... Что он видел в ее глазах? Что скрывали те веки? Дождь? Нет. Карие... И усталые, как солнце, что так отчаянно будит мир, который его же за это и ненавидит. Сонные... Темные мысли не оставляли ее в покое. Ни на минуту. Ни на шаг...

Он наблюдал за ней. В ее походке не было курса. Гордости. Решительности... Не глядя под ноги, а впереди... Не увидев ничего. Обернуться? Ведь то, что было за спиной, сопровождало ее день за днем. На каждой улице и за каждым углом. Оно дышало ей в спину, не в силах коснуться волос... Не в силах заставить ее обернуться. И только на распутье она задала себе вопрос: «А стоит ли...?»

– Ты не пришел, – спокойно, но огорченно сказала она, отводя глаза в сторону.

Он хотел взять ее за руку, но она ему этого не позволила.

– Не смей ко мне больше прикасаться, – ответила она на его жест, глядя в стеклянные глаза, в которых увидела собственное отражение.

Зеркало... Первое, что пришло ей в голову – зеркало. Она испугалась. Ее пальцы заметно задрожали от волнения, и она незаметно, как ей показалось, попыталась спрятать свои руки, сложив их на коленях. Что это было? Взгляд... Будто она смотрела не в глаза человеку, а в зеркало, и испугалась собственного отражения.

– Кто ты? – спросила она после длительной паузы.

Он молчал, не отводя от нее глаз. Может, у него не было ответа, но, скорее, его просто не было... Рядом.

– Ты мне был нужен как никогда, черт бы тебя побрал! Ты даже не опоздал, хотя раньше и дня не проходило, чтобы ты не появился здесь... Я даже имени твоего не знаю!

– Роза... – оборвал ее он, и впервые за этот день она услышала его голос.

Он хотел что-то сказать, но, не найдя подходящих слов, плавно нагнулся к ней, обхватив рукой ее шею, а другой глядя ее лицо, и поцеловал.

Это было так неожиданно, и к этому шагу она была совсем не готова, но и отталкивать его в ее планы явно не входило. Роза еще сильнее прижала его к себе и целовала так, как целуют своих любимых – с закрытыми глазами и открытым сердцем.

– Я хочу еще, – не открывая глаз и прикусив верхнюю губу, прошептала она.

Он закурил и, закрывая лицо руками, повторял про себя: «Дурак... Какой же я дурак! Что я делаю?» Ему было горько смотреть на ее счастливое лицо. Улыбку. Как она расцветает на его глазах. И дело даже не в шипах, что так резко вонзались в его душу, которая голыми руками обхватила цветок. Он понимал, что это неправильно, но ничего с собой поделать не мог. Он уже был сломан. Еще тогда, в квартире, на холодном полу, среди окурков и вонючего дыма, среди осколков разбитой кружки... Уже тогда он был сломан.

– Роза, мне нужно... – слегка растерянно начал он, но она его оборвала, открыв глаза.

– Ты и правда считаешь меня такой наивной? – ему в слезах не приходилось видеть столько боли, сколько было в ее улыбке.

Она улыбалась, не отводя от него глаз и слегка наклонив голову. Ее взгляд был более серьезен, чем секундой раньше. Со стороны могло показаться, что она им увлечена и просто заигрывает.

– Ну, скажи это, я хочу услышать, – наигранно сказала она, улыбаясь.

– Ты не в моем вкусе.

– А может, я слишком хороша для тебя? – рассмеялась она.

– Одно другому не мешает, – с улыбкой поддержал ее он.

Она показала себя в другом цвете, возможно, сама того не желая. От грусти и следа не осталось. Тепло... Ее улыбка согревала его остывшие внутренности. От нее исходило необычайное тепло. Такое чувство, будто на ладони таял лед.

– Знаешь, мой милый незнакомец... Я хочу, чтобы ты это знал. Ты весь такой – в моем вкусе. Но не настолько хорош для меня... Да, и целуешься ты великолепно, уж слишком хорошо, чтобы принять это за комплимент.

После этих слов она молча встала и без лишних церемоний забрала книгу, которую он так упорно не хотел ей отдавать. Гордой походкой она направилась к выходу, но у самой двери остановилась и на мгновение застыла на месте. Затем обернулась и направилась к нему.

– До встре... – не успел договорить он, встав из-за столика, как она обхватила его шею руками и поцеловала.

Короткий и неожиданный поцелуй длиною в секунду. Такого поворота он даже представить себе не мог.

– Вот теперь прощай! – кратко и гордо доносилось вслед...

Выслушать... Просто слушать, даже не услышав, даже не подав вида сочувствия. Просто выслушать... Этого больше всего не хватает людям. Они не принимают этого и уж тем более не отдают. Не понимают, что главное – вовремя выпустить наружу все то, что пламенем горит внутри. Они даже не могут сгореть, отпустить и камнем выбросить, как должное, все то, что

осталось позади. Оно накапливается капля за каплей, каждый день и каждую ночь. И с каждым криком все громче, а с каждым ударом – сильнее.

Когда ближе врага нет друга, ты осознаешь, что никто не подаст тебе руку. Никто не вытащит тебя из ямы, которую осталось только засыпать землей. А вот на эту роль, маэстро, люди всегда найдутся... Дело вовсе не в них, и не в жизни, которой пытаются заделать все свои дыры. Дело в тебе, и только в тебе. Не ищи виновного: в каждой правде ложка лжи. И жизни порой не хватает, чтобы понять, что есть жизнь и для чего она дана. Что есть солнце и зачем оно светит. А вот смерть стала ближе жизни. Ей смотрят в глаза, став на самый край этой грани. Обрыва. Но то, что они там видят, не забывают никогда.

Выслушать... Просто выслушать. За стаканом дешевого коньяка, в компании немого незнакомца. За шумом поезда, сидя на перроне. За книгой или за строками этой книги – просто выслушать. И пусть тебя не услышат, и пусть все пролетит мимо ушей... Возможно тогда многие бы забыли слово «бессонница» и увидели, как порой прекрасен поутру рассвет. Возможно тогда многие бы вспомнили, что живут, а не просыпаются, чтобы снова уснуть...

«...Меня всегда считали странным. Возможно потому, что я не следил за модой и не тонул в популярных песнях, как это делали миллионы. Моим хитом всегда было – знать, что сказать и кому это сказать, когда промолчать, для кого остаться немым и, пожалуй, самым главным для меня было – вовремя уйти.

Красивые обертки и гниль в начинке – десерт современного общества. Но это было не по мне. Такие блюда не переваривались во мне, и порой приходилось выворачивать все наружу...

С каких только небес свалилось мне на голову такое счастье в тот июльский вечер у аллеи парка? Улыбаюсь. Как без улыбки вспомнить?.. Возможно, если бы не твой сломанный каблук, вряд ли я писал бы сейчас эти строки.

Когда я нес тебя на руках – дай угадаю! – ты подумала: «Он в меня влюбился». И, наверное, представляла себе, на кого больше будут похожи наши дети, и как я буду стоять с полными пакетами у очередного бутика, а после довольно, под руку, сопровождать тебя домой. Угадал? Смеюсь... Ведь наши с тобой мысли в тот момент оказались почти взаимными. Почти... «Где же это чертово такси?!» Я думал, как бы побыстрее донести тебя домой, пока мои руки окончательно не отвалились. «Слабак!» – подумаешь ты? «Диета еще никому не вредила», – отвечу я. С каких только небес ты тогда свалилась, дорогая? Явно не с тех, в которых ты была желанным гостем...»

Оставив закладку на одной из прочитанных страниц, Роза не могла сдержать улыбки. Хорошее настроение... Бокал сухого вина и книга, что так запала ей в душу. Что еще нужно для счастья в этот прекрасный вечер? «Мужчина», – подумала она. Хотя нет, пожалуй, еще бокал вина.

То, что Роза не пришла, было предсказуемо, как и то, что она еще вернется. Зачем? Чтобы задать ему один вопрос или остаться, как и он, немым гостем этой кофейни. Других вариантов быть не могло...

В этот день все его внимание было уделено еще одному постояльцу этого заведения. Скорее, даже не внимание, а восхищение. Париж – так он прозвал его для себя: настоящего имени этого парня он не знал, да ему это было и не нужно. А восхищался он не потому, что Париж приходил в кофейню, чтобы заказать стакан воды без газа и оставить десять долларов на чай. Этот парень лет двадцати пяти носил одну и ту же одежду на протяжении всего сезона. Внешне он был прост, как цент, лежащий на ладони, который можно рассмотреть и, поняв, что на него ничего не купишь, бросить в карман. Но это было только внешне.

Париж подметал дворы как самый обычный дворник, зарабатывая себе на жизнь. Это было в середине августа позапрошлого года, когда начался никем не ожидавшийся сезон дождей. Он был влюблен в одну девушку и, как ему казалось, взаимно. Они целовались на набережной по вечерам, а поутру просыпались в разных постелях. Обычная влюбленная пара, которая еще не переступила порог воздушной романтики – красных роз с красивыми словами внутри, неожиданных сюрпризов и исполнения кокетливых капризов возлюбленной. Чем он зарабатывал себе на жизнь, она не интересовалась, и это было ему по душе.

Черный кабриолет, что удивительно – не красный, не белый, а строгого мужского цвета – был мечтой ее детства. Такого красавца они видели каждый день, возвращаясь с прогулок, и каждый раз ее восторг разделял с ней и он. А днем он подметал дворы, наверное, ни минуты не забывая вечерних порывов любви. Только от резких болей в спине, что так часто тревожили его, он останавливался, стоял и смотрел, улыбаясь, на кабриолет, на мечту всей ее жизни. Хотел бы и он иметь такое счастье, как мечта. Возможно, тогда он бы жил совсем по-другому.

Когда он готовился сделать ей предложение, они уже просыпались на одной узкой кровати и чистили зубы одной щеткой – настолько сближали они свои чувства, что личная гигиена интересовала их уж куда меньше, чем потерянный поутру носок. Страсть... Вспыльчивая, как огонь, и горячая, как чай, которым порой было приятно обжигать свои губы. Эта страсть оставляла следы по всему телу и даже вне его.

В этот день, как обычно, Париж мел улицы и думал о ней. Вечером, на той самой набережной, он хотел сделать ей предложение и начать новую жизнь. Завести мечту и, держа за руку любимого человека, шагать ей на встречу. Как это много, он увидел по ее глазам, что восхищенно сопровождали свою Мечту...

В тот же день судьба свела их прямо на улице, которую он еще не успел domesticate. Она шла со своими подругами, болтая о чем-то своем, прямо ему навстречу. Сначала она его не заметила, а когда заметила, посмотрела ему в глаза. Он смотрел на нее с улыбкой, а она в тот момент готова была провалиться под землю от стыда. Они прошли мимо него, а он вздохнул с облегчением. На один скелет теперь стало меньше. Видно, это судьба, повторял он себе, заканчивая работу.

Вечером он ждал ее с букетом цветов и кольцом в кармане, на том самом месте, где каждый вечер звезды считали их поцелуи. Она пришла вовремя, но с опозданием на целый мир. Грусть в глазах. Она была чем-то расстроена.

Встав на колени, он поцеловал ее руку и признался в любви, сделав ей предложение. Красивая картина. Напротив стоял тот самый кабриолет, что был ее мечтой, а на коленях он, нищий дворник, который предлагал ей свою бедность. Она смотрела то на него, то на кабриолет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.